

Социальная мобильность: успех или неудача?*

LAWLER S., PAYNE G. (EDS.). (2018). SOCIAL MOBILITY FOR THE 21ST CENTURY: EVERYONE A WINNER?
L.: ROUTLEDGE. 184 P. ISBN 9781315276588

Александрина Ваньке

Кандидат социологических наук, докторант Школы социальных наук
Манчестерского университета

Научный сотрудник Государственного академического университета гуманитарных наук
Адрес: Oxford Road, Arthur Lewis Building, Manchester, UK M13 9PL
E-mail: a.vanke@postgrad.manchester.ac.uk

Книга «Социальная мобильность в XXI веке: все в выигрыше?» под редакцией Стеф Лоулера и Джеффа Пэйна, вышедшая в серии «Социология будущего», попала мне на глаза во время участия в ежегодной конференции Британской социологической ассоциации «Идентичности, сообщества и социальная солидарность», прошедшей в Ньюкасле в 2018 году. Неудивительно, что в Великобритании, где сегодня ведутся жаркие дебаты о том, следует ли правительству работать над стимулированием восходящей мобильности, данная книга представляет критический взгляд на проблему не-мобильности уязвимых социальных групп. Ее авторы ставят под вопрос традиционные модели изучения социальных перемещений в жестко иерархизированных обществах.

Во введении Лоулер и Пэйн предлагают добавить новые измерения в устоявшиеся исследовательские подходы к анализу социальной мобильности. Речь идет о необходимости уделять больше внимания политическому, идеологическому и социальному контекстам при анализе социальных перемещений. Другими словами, важно не только изучать количественные показатели межпоколенной мобильности, зафиксированной в один момент времени, но и учитывать изменения социальной среды, рынка труда, карьерных структур и стратегий приема на работу (р. 1–2). Лоулер и Пэйн не отрицают значимости классических подходов, но показывают, что аппарат Пьера Бурдьё с его понятиями «габитуса», «капиталов» и «классов» открывает новые возможности для анализа мобильности (р. 2). Редакторы провозглашают методологический плюрализм, для которого значим как количественный, так и качественный анализ, что позволяет посмотреть на

© Ваньке А. В., 2018

© Центр фундаментальной социологии, 2018

DOI: 10.17323/1728-192X-2018-3-379-388

* Статья подготовлена в рамках проекта «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре генерации российской истории», поддержанного Российским научным фондом. Грант № 14-28-00217.

социальную мобильность как на идеологический дискурс (р. 5). В этом смысле большинство глав книги содержат критику неолиберальной идеологии, в основе которой лежит принцип: «Каждый может стать победителем, если будет хорошо стараться» (р. 7). На материалах социологических исследований авторы опровергают данный тезис и показывают обратную сторону социального восхождения, которое окрашено не только позитивными чувствами, но и сопровождается эмоциональными издержками (р. 11).

В первой главе «Социальная мобильность: какие пути сейчас есть?» Пэйн дает краткий обзор исследований мобильности. Он начинает с обсуждения ранних проектов по социальной мобильности в Англии, посвященных вопросу о том, насколько сыновья наследуют рабочие профессии отцов (р. 13). Затем он переходит к рассмотрению концепции Питирима Сорокина о вертикальной, горизонтальной и альтернативной мобильности, получившей распространение на севере Соединенных Штатов Америки (р. 14, 15). Далее Пэйн уделяет внимание проектам Лондонской школы экономики 1940-х годов, рассматривавших проблемы образовательной политики, брачной мобильности, трехпоколенной мобильности, субъективных аспектов мобильности и др. (р. 14). Завершается обзор обсуждением подходов Джона Голдторпа и Пьера Бурдьё. Пэйн приходит к выводу, что наибольший интерес на сегодняшний день представляет бурдьёвистская перспектива, поскольку она позволяет проследить в динамике, как индивиды проживают, ощущают и проговаривают свои жизненные истории после того, как они совершили социальные перемещения (р. 16).

Основной посыл главы Пэйна заключается в том, что на первый план должен выйти анализ абсолютной мобильности и рынка труда. Автор утверждает, что различия между типами занятости изменяются с течением времени, поэтому социальные дистанции между социальными классами тоже меняются (р. 17). Такой фокус изучения показывает, как трансформируется положение социальных групп в социальном пространстве по мере того, как происходит их релокация на рынке труда (р. 18). Другой аргумент Пэйна состоит в необходимости учета гендера при анализе профессиональной мобильности. Согласно данным Социально-экономической классификации национальной статистики (NS-SeC), шансы женщин на успешное продвижение на рынке труда ограничены по сравнению с возможностями мужчин (р. 21). В заключение автор заключает, что для современного британского общества наиболее реалистичным все же оказывается лозунг «Большинство из нас неудачники», а сама мобильность и политические дебаты о ней только легитимируют социальное неравенство (р. 22–23).

Во второй главе «Разрыв с семьей рабочего класса: истоки социальной мобильности и *habitus clivé*» Марк Маллман сосредоточивается на анализе расщепленного габитуса на материалах 29 нарративных интервью с австралийцами, выходцами из рабочих семей, осуществившими вертикальную мобильность. Как пишет Маллман, расщепленный габитус представляет собой разлом в восприятии своей самости, внутренний конфликт, возникающий при переходе из одной среды в дру-

гую (р. 26). Тема расколотого габитуса приобретает все большую популярность среди социологов. Немногим ранее авторы книги «Бурдье: следующее поколение. Развитие интеллектуального наследия Бурдье в современной социологии Великобритании», изданной под эгидой БСА, уже обращались к проблеме *habitus clivé*. Например, социолог Сэм Фридман описывает эмоциональные эффекты восходящей мобильности при вхождении в группу элит¹. Социологи Никола Инграм и Джесси Абрахамс разрабатывают типологию разрывов габитуса².

Исходная посылка исследования Маллмана состоит в том, что родительская семья зачастую передает не только экономические преимущества или невыгодное положение, но и габитус, представляющий собой систему переносимых диспозиций, вписанных в тело (р. 25, 31). Вместе с тем автор отмечает, что семьи рабочих гетерогенны (р. 26). Они отличаются друг от друга по возможностям, которые родители могут дать детям для построения «успешных» социальных траекторий. Опрошенные Маллманом делали акцент на том, что их социальное восхождение служит осуществлением нереализованного в свое время семейного потенциала (р. 29). Это означает по меньшей мере то, что, с одной стороны, родители информантов ориентировали их на достижение и социальный успех, а с другой — настаивали на том, чтобы информанты не отрывались от семьи (р. 30). В этом противоречии Маллман усматривает внутреннее напряжение, приводящее к расщепленному габитусу информантов, осуществивших вертикальную мобильность в средний класс. Таким образом, автор приходит к выводу, что рабочие семьи до сих пор могут быть источником для социального восхождения, но в то же самое время они неявным образом воспроизводят неравенства и служат условием для возникновения расщепленного габитуса (р. 35–36).

Третья глава «Мобильные не-мобильности: формирование габитуса в „уязвимых“ семьях», написанная в соавторстве с Марией Гарднер, Кирсти Моррин и Джеффом Пэйном, основывается на эмпирическом исследовании изменений габитуса у представителей двух социальных групп. Авторы сравнивают способности к адаптации в новой среде: 1) студентов из «приемной» группы в возрасте от 18 до 27 лет, в детстве разорвавших со своими биологическими родителями и находившихся под опекой не менее 6 месяцев (р. 40), и 2) студентов рабочего происхождения из группы «Улица Стед», где традиционно живут белые британцы, представители рабочего класса, занятые в сервисе или на производстве (р. 41). Исследование показывает, что студенты из «приемной» группы демонстрируют большую гибкость и способность справляться с ситуациями, типичными для образовательной среды, где доминирует средний класс (р. 43), по сравнению со сту-

1. *Friedman S.* (2016). The Limits of Capital Gains. Using Bourdieu to Understand Social Mobility into Elite Occupations. // *Thatcher J., Ingram N., Burke C., Abrahams J.* (eds.) *Bourdieu: The Next Generation. The Development of Bourdieu's Intellectual Heritage in Contemporary UK Sociology.* L.: Routledge. P. 107–122.

2. *Ingram N., Abrahams J.* (2016). Stepping Outside of Oneself. How a Cleft Habitus Can Lead to Greater Reflexivity Through Occupying “the Third Space” // *Thatcher J., Ingram N., Burke C., Abrahams J.* (eds.) *Bourdieu: The Next Generation. The Development of Bourdieu's Intellectual Heritage in Contemporary UK Sociology.* L.: Routledge. P. 140–156.

дентами из рабочих семей. Габитус представителей «приемной» группы обладает рефлексивностью и адаптивностью, что, однако, не означает их способности к интеграции (р. 45).

Для габитуса жителей улицы Стед, информантов из рабочего класса, характерен отказ от получения высшего образования из-за страха влезть в долги (р. 47). Следует пояснить, что высшее образование в Англии полностью платное, но у британцев вне зависимости от классовой принадлежности есть возможность получить государственный кредит на обучение в университете, который они выплачивают после устройства на работу. Однако, как пишут авторы, молодые люди из рабочих семей испытывают нужду в деньгах. Отказываясь продолжать обучение из-за страха не выплатить долг, они делают выбор в пользу работы на производстве или в сервисе (р. 48). Авторы объясняют данную ситуацию тем, что родители студентов с Улицы Стед желают своим детям лучшей жизни, но не дают им ориентиров для достижений и не ставят перед ними четких образовательных задач (р. 49). Для женщин из рабочих семей типичен отказ от получения высшего образования в пользу раннего замужества и социально одобряемого материнства (р. 52). К схожим выводам мы приходим с Ириной Тартаковской в нашей статье об условиях выбора карьеры рабочего, написанной на российских данных³.

Четвертая глава «Поднимаясь вверх и держась на плаву: понимание социальной мобильности через три поколения в Великобритании» за авторством Викки Боливер и Элис Сулливан строится на количественных данных Британского исследования когорт (BCS70), которое представляет собой лонгитюдный проект, направленный на изучение социальной мобильности индивидов, рожденных в Англии в одну неделю в 1970 году (р. 56). Данные опроса содержат информацию о классовых позициях трех поколений семей. В ходе исследования проводятся регулярные замеры классовых позиций респондентов в следующих возрастах: 0, 5, 10, 16, 26, 29–30, 34–35, 38 и 42 года; кодируется профессия отца в соответствии со схемой, состоящей из 6 классовых групп (the Registrar General's class schema) (р. 56). Для изучения траекторий мобильности представителей рабочего и среднего классов в двухпоколенной и трехпоколенной перспективах авторы используют простые проценты (р. 57). Они также рассчитывают разницу между позицией третьего поколения, попавшего в средний класс, и позицией отцов из рабочего/среднего классов и дедушек по отцовской линии (р. 57).

Расчет абсолютной мобильности в трехгенерационной перспективе показывает, что около 60% участников исследования происходят из первого поколения семей среднего класса, то есть их отцы совершили вертикальную мобильность в средний класс (р. 57, 59). Двухгенерационная перспектива демонстрирует, что только 27,8% детей совершили вертикальную мобильность в средний класс, при этом большинство из них происходили из устойчивых семей рабочего класса (long-standing working-class families) (р. 59). Вместе с тем двухгенерационная пер-

---

3. Тартаковская И. Н., Ваньке А. В. (2016). Карьера рабочего как биографический выбор // Социологическое обозрение. Т. 15. № 3. С. 9–48.

спектива дает следующий результат: 37,4% детей из рабочего класса немобильны, а дочери с меньшей долей вероятности по сравнению с сыновьями достигают позиций среднего класса по всем категориям происхождения (р. 59). Расчет относительной мобильности шансов с точки зрения трех поколений свидетельствует о том, что дети из семей среднего класса с намного большей вероятностью останутся в среднем классе по сравнению с детьми из семей первого поколения среднего класса (р. 60). А большинство тех, кто осуществил нисходящую мобильность, происходят из семей, которые совершали социальное восхождение лишь в одном поколении (р. 60). Боливер и Сулливан заключают, что трехпоколенная перспектива позволяет реконструировать более нюансированно процессы социальных перемещений, нежели двухпоколенная перспектива. В этом смысле проект «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре генерации российской истории», участницей которого я являюсь, объединяя несколько баз данных, показывает полную картину мобильности четырех поколений с учетом трансформации социально исторического контекста⁴.

Глава пятая «Время, аккумуляция и траектория: Бурдье и социальная мобильность», написанная Сэмом Фридманом и Майком Сэвэджем, обращает читателя к теме темпоральности мобильности, которая практически не изучена в современной социологии. В первой части главы авторы делают критический обзор существующих способов изучения мобильности и приходят к выводу о том, что классические таблицы мобильности (например, Голдторпа) фиксируют лишь два момента времени: класс происхождения и класс прибытия (р. 68). Более сложные процедуры лог-линейного моделирования позволяют проследить тенденции на протяжении времени, однако большинство исследователей сходятся во мнении, что отображение времени линейно будет значительным упрощением сложных временных траекторий (р. 68). Фридман и Сэвэдж признают вклад Голдторпа в исследования мобильности, но критикуют его подход за то, что он в большей степени сосредоточен на межпоколенной мобильности, нежели внутривоколенной (р. 70). По этой причине авторы обращаются к аналитическому аппарату Бурдье и переосмысливают его социологию с точки зрения динамического изменения как габитуса, так и социальных структур. Цитируя Бурдье, авторы подчеркивают тезис о том, что социальные классы обладают различной темпоральностью и историчностью (р. 73), а мобильность осуществляется во времени и сквозь время (р. 74).

Фридман и Сэвэдж утверждают, что такие концепты бурдьевикинской социологии, как «сила» и «траектория», позволяют более детально и тонко описать процессы социальной мобильности. Однако центральным концептом для них все-таки служит габитус, который характеризуется инертностью и обладает темпоральностью. Иными словами, габитус представляет собой забытую историю. Другой важный концепт, который вводят авторы главы, — понятие «стеклянного потолка», позаимствованное ими из феминистской критики и преобразованное

---

4. Семенова В. В., Черныш М. Ф., Ваньке А. В. (ред.). (2017). Социальная мобильность в России: поколенческий аспект. М.: Институт социологии РАН.

до «классового потолка» (р. 75). Понятие «классовый потолок» обозначает объективные пределы и барьеры для вертикальной мобильности. Эффекты классового потолка проявляются, например, в том, что индивиды, совершившие социальное восхождение, получают меньшую зарплату по сравнению с теми, кто занимал высокие позиции изначально (р. 75). И, наконец, еще один концепт, пригодный для анализа значительной вертикальной мобильности, — это понятия «расщепленного габитуса» (*habitus clivé*) и «гистерезиса» (*hysteresis*)⁵, к которым обращаются авторы и других глав книги (например, см. главу 2). В завершение Фридман и Сэвэдж резюмируют: бурдьевиистский категориальный аппарат дает более полное понимание микропроцессов социальной мобильности и позволяет объяснить эмоциональные эффекты социальных перемещений (р. 79).

В шестой главе «Продолжая двигаться вверх? Социальная мобильность, класс и высшее образование» Харриет Брэдли делится результатами своего лонгитюдного качественного исследования мобильности выпускников двух высших учебных заведений: Университета Западной Англии и Бристольского университета. Автор отмечает, что, с одной стороны, сегодня британские политики только и говорят, что о социальной мобильности (р. 81) и о необходимости ее интенсификации. С другой стороны, учеба в так называемом Оксбридже (производное от соединения названий двух топовых университетов Оксфорда и Кембриджа) и в престижных университетах группы Рассел по-прежнему работает на воспроизводство социального неравенства, открывая своим выпускникам путь к высоким позициям и высокооплачиваемой работе (р. 81). Тезис о классовом воспроизводстве через высшее образование в Великобритании подтверждают и результаты количественно-качественного исследования под руководством Майка Сэвэджа, результаты которого изложены в книге «Социальный класс в XXI веке»⁶.

В своем исследовании Брэдли отталкивается от подходов Голдторпа и Бурдьё, учитывает актуальную политическую повестку и формирует свое альтернативное видение социальной мобильности, согласно которому позиции всех уязвимых социальных слоев должны быть улучшены с помощью социальной политики государства (р. 82). Для демонстрации влияния классового происхождения на образовательный опыт студентов и их последующие стратегии поиска работы Брэдли с 2010 года проводит интервью на выборке в 90 студентов, окончивших два английских университета в Бристоле. Следует пояснить, что в практически ориентированный Университет Западной Англии поступают студенты с более низким социальным происхождением (р. 82). Данный университет славится тем, что интегрирует своих выпускников в локальные фирмы. В то время как в Бристольском университете из группы Рассел, ориентированном на исследовательскую деятельность, обучаются студенты из привилегированного среднего класса (р. 82).

5. Про расщепленный габитус и гистерезис см. подробнее: *Friedman S.* (2016). *Habitus Clivé and the Emotional Imprint of Social Mobility* // *Sociological Review*. Vol. 64. № 1. P. 129–147.

6. *Savage M., Cunningham N., Devine F., Friedman S., Laurison D., McKenzie L., Miles A., Snee A., Wakeling P.* (2015). *Social Class in the 21st Century*. L.: Pelican.

В ходе анализа интервью Брэдли приходит к выводу о том, что статус университета, имя научного руководителя, общий балл диплома, с которым студенты выходят из университета, оказывают влияние на дальнейшую карьерную траекторию выпускника (р. 85). Однако ключевым фактором для получения хорошей работы служит социальный капитал родителей или родственников выпускника или ее/его умение ориентироваться в сфере, где предполагается вести поиск хорошей позиции (р. 84). Как отмечает автор, выходцы из рабочих семей с большой вероятностью не будут обладать необходимыми экономическими ресурсами для оплаты обучения в магистратуре и не смогут позволить себе прохождение неоплачиваемой практики, например, в престижных фирмах Лондона, поскольку не располагают ни связями, ни финансовыми возможностями (р. 85). Тем не менее, как заключает автор, индивидуальная вертикальная мобильность выходцев из рабочего класса до сих пор еще возможна, в случае если эти студенты продолжают обучение и отправляются на поиски рабочих мест после получения магистерской степени (р. 91). При этом Брэдли акцентирует внимание на том, что все не могут занять высшие позиции, поскольку их набор ограничен, поэтому, по ее мнению, политики должны фокусироваться не на стимулировании восходящей мобильности, а работать над улучшением уровня жизни уязвимых социальных групп и над уменьшением социального неравенства (р. 92).

Седьмая глава «„Чтобы совершить социальное восхождение, ты должна быть шведкой“: женская вертикальная классовая мобильность в неолиберальном социальном государстве Швеции» написана Леной Золь по мотивам ее диссертации. В исследовании приняли участие 16 информанток в возрасте 25 и 34 лет, родившихся в рабочих семьях мигрантов и проживающих в настоящее время в Швеции. Все опрошенные совершили социальное восхождение за счет получения высшего образования (р. 93). Однако для того, чтобы стать успешными и мобильными в шведской системе, необходимо отказаться от идентичности рабочего класса, который расово маркирован (р. 94). В силу того что с конца 1970-х годов Швеция перешла от модели социального государства к неолиберальной модели, новый шведский рабочий класс теперь зачастую не имеет образования и работы или оформлен по временным контрактам (р. 99), живет в бедности, характеризуется опытом миграции, дискриминируется в силу расовых и этнических признаков на рынке труда (р. 96). По словам информанток Золь, сегодня рабочий класс фактически представляет собой социальные низы (*underclass*, понятие, которое используется в интервью) (р. 99). По этой причине участницы исследования отмежевываются от культуры и среды рабочих мигрантов, из которой они происходят, и стремятся перенять национальную шведскую идентичность, чтобы иметь возможность для «более хорошей» жизни (р. 102).

В главе восьмой «Опыт восходящей мобильности: случай самозанятых предпринимателей» Андреас Гиазитзоглу описывает мужской опыт мелких предпринимателей после совершения ими восходящей мобильности в средний класс. В фокусе рассмотрения исследователя два кейса — жизненные истории гетеро-

сексуальных белых мужчин-англичан в возрасте 50–58 лет по имени Том и Денни, создавших мелкий бизнес в сельской местности в Англии. Оба они происходят из семей рабочего класса, женаты и не имеют детей (р. 109). Гиазитзоглу выделяет три ключевые темы, определяющие их жизненные нарративы. Во-первых, Том и Денни испытывают фрустрацию и нетерпение — категории, с помощью которых они описывают свой опыт восходящей мобильности (р. 110). Они хотели бы уже сейчас иметь больше финансовой прибыли, поскольку верят, что расширение потребления позволит им приобрести новый статус (р. 111). Во-вторых, оба информанта не демонстрировали успехов в школе и, как следствие, приобрели габитусную неуверенность. Однако по мере развития бизнеса чувство их уверенности в себе резко возросло и даже превратилось в некотором роде в высокомерие по отношению к тем, кто не может работать на себя (р. 113). И, наконец, третья тема, определяющая рассказ о мобильности, связана с ролью супруг двух бизнесменов в достижении ими профессионального успеха. Том и Денни признают, что именно жены через поддержку и заботу стимулировали их к вертикальной мобильности, а также предостерегали от чрезмерных денежных трат. Гиазитзоглу резюмирует, что случаи Тома и Денни показывают двойственность их восходящей мобильности. Несмотря на то что оба они достигли определенной экономической независимости, тем не менее их положение по-прежнему остается неустойчивым, ставя под сомнение их статус как успешных мужчин-бизнесменов (р. 116).

В главе девятой «Разговор о социальной мобильности: производство классов в неолиберальное время» Стеф Лоулер сосредотачивается на формах репрезентации социальной мобильности в публичной речи, а именно в отчетах экспертно-аналитических центров и секретариата кабинета министров в период с 2009 по 2016 год. В этих отчетах социальная мобильность выступает как абсолютно «хорошая вещь», и ассоциируется она с прогрессом (р. 121). Данные отчеты формируют представление о том, что социальное происхождение генерирует неравенство доходов, а социальный «успех» приходит только в случае, если индивид обладает «правильными» устремлениями, установками и характером (р. 121). Лоулер делает вывод, что разговоры о социальной мобильности конструируют определенный тип субъективности — индивидуальности, способной к осуществлению вертикальной мобильности. При этом фактор классовой принадлежности исключается из рассмотрения составителями отчетов. Так, публичный дискурс о мобильности в Великобритании конструирует образ субъектов, которые ценятся в силу того, что полностью отвечают запросам рынка (р. 123). Однако субъективность мобильных индивидов отражает лишь черты среднего класса (р. 132), например, целеустремленность, организованность, достигательность и т. д. В рамках данной неолиберальной идеологии представители рабочего класса заведомо обладают «не тем характером», что фактически натурализует недостаток культурного капитала и отсутствие социальных связей у рабочих (с. 122).

Тему индивидуальной ответственности за социальное восхождение в неолиберальном обществе развивает Тони Чапман в десятой главе «Продвижение со-

циальной мобильности молодежи: применение социологической перспективы к анализу целей социальной политики». Глава представляет результаты анализа государственных программ по стимулированию мобильности молодежи в Великобритании. Чапман выстраивает свою аргументацию вокруг тезиса о том, что молодые люди, происходящие из более депривированных или маргинальных социальных групп, должны преодолеть бóльшую дистанцию в социальной иерархии для достижения успеха (р. 140) по сравнению с теми, кто происходит из более привилегированных классов. Автор утверждает, что представители среднего класса обладают специфическими знаниями для навигации в образовательных системах и на рынке труда, что позволяет им получать доступ к более хорошей, стабильной и высокооплачиваемой работе (р. 144). Данный тезис Чапмана перекликается с аргументом Чарли Уокера о том, что российская рабочая молодежь, получая среднее образование, не обладает навыками навигации на рынке образования и труда, что приводит в неолиберализирующемся российском обществе к их нисходящей мобильности⁷. Чапман заключает, что правительственные программы по интенсификации мобильности, составленные представителями среднего и высшего классов, не учитывают тот факт, что барьеры для социального восхождения в случае рабочего класса намного выше и что не все рабочие желают быть мобильными, предпочитая оставаться в привычной для себя среде и культуре, которая представляет для них ценность (р. 144).

Социолог Дайан Рей поднимает вопрос личных издержек социального восхождения в заключительной главе «Жестокость социальной мобильности. Индивидуальный успех за счет коллективной неудачи». С первых страниц автор обрушивается с критикой на капиталистическую систему Великобритании и на укоренившиеся в ней неравенства, оправдываемые неолиберальной идеологией. Социальную несправедливость по отношению к выходцам из уязвимых социальных групп — мигрантов и рабочих — Рей демонстрирует на двух кейсах. Первый случай основан на биографическом интервью автора с 18-летним студентом из бангладешской семьи беженцев, проживающим в Англии (р. 153). Информант, не обладая достаточными социальными связями и финансами, стремится своими действиями изменить порядок вещей, сделать мир более справедливым. По этой причине он учится на юриста и в будущем планирует помогать своей многодетной семье, которая находится на социальном дне. Второй кейс строится вокруг биографического сюжета из жизни самой Рей, которая происходит из рабочего класса, в силу чего в детстве и студенчестве она подвергалась стигматизации со стороны учителей и преподавателей, которые оценивали ее шансы на социальный успех как минимальные (р. 154–155). Отмечу, что на данный момент Дайан Рей является профессором Кембриджского университета и получила признание как специалист по образовательному неравенству.

---

7. Walker C. (2011). *Learning to Labour in Post-Soviet Russia: Vocational Youth in Transition*. L.: Routledge. P. 167.

Однако в главе Рей приходит к неутешительным выводам о последствиях социального неравенства и индивидуализированном проекте социального восхождения. Она отмечает, что социальная мобильность зачастую не приносит удовлетворения и не делает людей счастливыми или более свободными, как принято считать, а производит негативный эффект на эмоциональную жизнь индивида. В этом состоят издержки и жесткость социальной мобильности (р. 147). Политики утверждают, что все хотят быть мобильными, но молодые люди из рабочего класса могут желать чего-то другого, например, лучшей жизни для людей той среды, из которой они происходят (р. 156). В этом смысле социальная мобильность в обществах с сильным неравенством скорее — неудача, нежели успех (р. 157). Мобильные индивиды становятся более равными с привилегированными людьми, но оказываются в неравных отношениях с теми, кого они любят и о ком заботятся (р. 157).

После прочтения книги становится понятно, что социальная мобильность характеризуется амбивалентностью и должна рассматриваться более нюансированно, чем это делалось ранее в классических подходах. Производя позитивный эффект на жизнь отдельных индивидов, социальное восхождение отражается негативно на их эмоциональном состоянии и субъективном благополучии, поскольку они отрываются от среды своего происхождения, покидая близких людей, которые по-прежнему находятся в уязвимом положении. В этой связи мобильные индивиды одновременно оказываются победителями и проигравшими, а единичные случаи вертикальной мобильности могут субъективно восприниматься и как успех, и как неудача. Социологи сходятся во мнении, что сегодня социальная мобильность, о которой так много дискутируют политики и разработчики социальных программ, является частью дискурса, определяемого неолиберальной идеологией. Именно поэтому на страницах книги авторы аргументированно доказывают, что главная проблема, о которой важно и нужно говорить, — это не мобильность, а социальные неравенства.

Social Mobility: Success or Failure?

Alexandrina Vanke

PhD Student, School of Social Sciences, University of Manchester

Candidate of Sociological Sciences, Research Fellow, State Academic University for the Humanities

Address: Oxford Road, Arthur Lewis Building, Manchester, UK M13 9PL

E-mail: a.vanke@postgrad.manchester.ac.uk

Book Review: Steph Lawler, Geoff Payne (eds.) *Social Mobility for the 21st Century: Everyone a Winner?* (London: Routledge, 2018).